

Богданова О. В. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 129—148. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148.

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). “Sometimes I Feel Like Shakespeare...” (Intertextual Layers of “Pilgrims” by I. Brodsky). *Nauchnyi dialog*, 8: 129-148. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148

**«Иногда чувствую себя
Шекспиром...»
(интертекстуальные пласты
«Пилигримов»
И. Бродского)**

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
доктор филологических наук,
профессор
olgabogdanova03@mail.ru

Власова Елизавета Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5781-7466
кандидат филологических наук
kealis@gmail.com

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

**“Sometimes I Feel Like
Shakespeare...”
(Intertextual Layers
of “Pilgrims” by I. Brodsky)**

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova
orcid.org/0000-0001-5781-7466
PhD in Philology
kealis@gmail.com

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается хрестоматийно известное стихотворение И. Бродского «Пилигримы» (1958). Предлагается его новая, углубленная интерпретация. Авторы работы акцентируют внимание на «втором» варианте текста Бродского, в 1959 году дополнительно эпитафией из сонета У. Шекспира. Отталкиваясь от эпитафических строк, авторы статьи вместо общепринятой трактовки стихотворения (через традиционный мотив скитальчества пилигримов как бесконечного движения человека по жизни) выводят на первый план образ (пост)шекспировских пилигримов-мыслей, пилигримов-чувств. Изменение ракурса восприятия позволяет увидеть более глубокие пласты стихотворения Бродского и реинтерпретировать уже привычные образы и мотивы. Так, находит объяснение заглавная лексема текста — *пилигримы*, переосмысливается «странный» образ «синего солнца», трактуемый критиками как элемент «из научной фантастики». Рассматривается семантика мотива современного «бара», читаемого исследователями «как символ загадочной заграничной роскоши». Получает объяснение «неожиданное» цитирование в тексте стихотворения нелюбимого Бродским Н. Некрасова и др. Выявление широких интертекстуальных пластов «Пилигримов» — стихов К. Бальмонта, В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Лохвицкой и др. — позволяет авторам работы продемонстрировать умноженный потенциал стихотворения, усилить накал трагического осмысления мира лирическим героем Бродского.

Ключевые слова:

И. А. Бродский; «Пилигримы»; интертекст; образно-мотивная система; философский ракурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the well-known poem by I. Brodsky “Pilgrims” (1958), and offers a new, in-depth interpretation of it. The authors of the work focus on the “second” version of Brodsky’s text, supplemented in 1959 with an epigraph from a sonnet by W. Shakespeare. Starting from the epigraphic lines, the authors of the article instead of the generally accepted interpretation of the poem (through the traditional motif of the pilgrim’s wanderings as the endless movement of a person through life) bring to the fore the image (post)Shakespeare’s pilgrims-thoughts, pilgrims-feelings. Changing the perspective of perception allows them to see deeper layers of Brodsky’s poem and reinterpret already familiar images and motifs. Thus, the title lexeme of the text — “pilgrims” — is explained; the “strange” image of the “blue sun”, interpreted by critics as an element “from science fiction”, is reinterpreted; the semantics of the motif of the modern “bar”, read by researchers “as a symbol of mysterious foreign luxury”, is explained; the “unexpected” quotation in the text of a poem by N. Nekrasov, unloved by Brodsky, analyzed and explained; etc. Identification of broad intertextual layers of “Pilgrims” — poems by K. Balmont, V. Bryusov, F. Sologub, A. Akhmatova, O. Mandelstam, M. Lohvitskaya, etc. — allows the authors of the work to demonstrate the multiplied potential of the poem, to increase the intensity of the tragic understanding of the world by the lyrical hero of Brodsky.

Key words:

I. Brodsky; “Pilgrims”; intertext; figurative-motivic system; philosophical perspective.

«Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

1. Введение

Стихотворение Иосифа Бродского «Пилигримы» широко известно. «Знаменитые “Пилигримы”» [Плеханова, 2002, с. 156] — так называет его И. Плеханова, один из авторитетных специалистов-бродсковедов. Едва ли не каждый исследователь, писавший о Бродском (Л. Лосев [Лосев, 2008], Я. Гордин [Гордин, 2010], В. Полухина [Полухина, 2006], В. Куллэ [Куллэ, 1996], М. Крепс [Крепс, 2007], А. Ранчин [Ранчин, 2016], Н. Стрижевская [Стрижевская, 1997], Д. Ахапкин [Ахапкин, 2009] и др.), вспоминает это стихотворение, признает его одним из лучших в ранней лирике поэта. Между тем текстуальный анализ стихотворения «Пилигримы» приводится крайне редко, литературоведческие интерпретации локальны и, как правило, рассеяны в общем контексте поэзии Бродского.

Среди исследователей, которые непосредственно обращались к анализу стихотворения «Пилигримы», могут быть названы имена Л. Лосева [Лосев, 2008], Я. Гордина [Гордин, 2010], И. Плехановой [Плеханова, 2008]. Исследователи единодушно соглашаются, что в центре «Пилигримов» лежит одна из наиболее важных и сквозных в поэзии Бродского философем — философема *движение*.

По словам Я. Гордина, «первое стихотворение, прославившее его [Бродского], — “Пилигримы” <...> задало один из ведущих внешних сюжетов Бродского — движение в пространстве...» [Гордин, 2010, с. 231]. По наблюдению И. Плехановой, в «Пилигримах» «весь лирический сюжет — устремлённость в неведомое...», «одухотворённость движения стихийна», суть движения — «эпическая направленность» [Плеханова, 2008, с. 156], констатирующая бесконечность мира.

По мнению литературоведов, «Пилигримы» пронизаны прежде всего идеей осознания лирическим героем (и автором) вечного движения к непознанному, идеей бесконечности человеческого пути в *миропознании* и *самопознании*. По И. Плехановой, «опора существования в этом мире — не конечный человек и не конечная Истина», но «воля к поиску, не цель, но процесс движения» [Плеханова, 2008, с. 156].

Действительно, движение в тексте стихотворения — сюжетоформирующий принцип, скрепляющий, подобно стержню, структуру всей элегии,

пронизывающий (нанизывающий на себя) все строки поэтического текста. Движение героев-пилигримов — стремление познать безбрежный мир, и итог — философская невозможность этого познания. «Малость» отдельного человека в этом огромном непознанно-непознаваемом мире становится, по мнению исследователей, центром поэтической аллегории Бродского.

Именно так — как аллерию — определяет «Пилигримов» Л. Лосев: «Его [Бродского] воображение создает из мешанины экзотических книжек и кинофильмов величественные, но невнятные аллерию» [Лосев, 2008, с. 60]. По Л. Лосеву, аллерию Бродского намеренно приближен к современности, знаменателен чертами и признаками актуальности, «невянность» аллерию компенсируется узнаваемыми реалиями: «Мекка и Рим, бар как символ загадочной заграничной роскоши, и тут же синее солнце из научной фантастики, и “пилигримы / солнцем палимы” из хрестоматийного стихотворения нелюбимого Некрасова» [Лосев, 2008, с. 61].

Примечательны *интертекстуальные* сопоставления, которые намечает критика. Так, Я. Гордин пишет: «Юный Бродский прошел через все возможные влияния и ориентации, через все привязанности литературной молодежи пятидесятых: Лорка, Незвал, джазовая культура, Багрицкий... Но краеугольные камни классической поэзии, обнаруженные им просто-напросто на уроках литературы, проступали сквозь все — не как затверженные формальные ориентиры, а как угаданная коренная порода, “почва и судьба”. Молодой Бродский, воспринимавшийся читателями как “новый поэт”, вызывающе демонстрирует свою связь с Пушкиным» [Гордин, 2010, с. 229].

Рядом с «Пилигримами» Я. Гордин называет пушкинского «Странника» и выделяет в нем мотивы «несовершенства мира» и — главное — «своего собственного несовершенства» [Гордин, 2010, с. 230]. По мысли исследователя, «лейтмотив последних лет пушкинской жизни — бегство, уход от низкой суеты, движение к “некоему свету”» [Гордин, 2010, с. 231] — обнаруживается и у Бродского. Вслед за Пушкиным в стихах уже раннего Бродского проступает «пророческий пласт», который в «Пилигримах» символизирован «двумя понятиями <...> сконцентрировавшими в себе смысл ведущей тенденции» — это «звезды и птицы», «символ “некоего света” в вышине, маяка, путеводной меты» [Гордин, 2010, с. 233].

Движение, пространство, время, мир и человек, звезды, птицы — таков, по наблюдению исследователей, образно-символический ряд ранней поэзии Бродского, ведущие нити лирической наррации в «Пилигримах». И в целом, несомненно, можно согласиться с подобными наблюдениями. Однако текст стихотворения «Пилигримы» предлагает и иные ракурсы восприятия, иные аспекты интерпретации — менее общие, но более «бродские».

2. Звуковые ряды «Пилигримов»

Согласно словарям, лексема *пилигрим* происходит от латинского *peregrinus* — «чужеземец, иностранец», иноязычное слово пришло в русский язык из итальянского *pellegrino* [Фасмер, 1987, с. 261—262], становясь синонимом богомольцев, паломников, путешествующих по святым местам. Заметим, в русском языке достаточно других, более адаптированных в национальном сознании слов, отражающих то же понятие. Однако Бродский использует не русский вариант обозначения странников, скитальцев, путников, но «итализированных» пилигримов. На первый взгляд, это обстоятельство может служить знаком увлечения Бродского зарубежной литературой: по наблюдениям Е. Рейна, Бродский «находился в том периоде, когда для него главными учителями были переводные поэты» [Полухина, 2006, с. 9].

Между тем, на наш взгляд, Бродского привлек не концепт западноевропейского паломничества (явления как такового), не (интер)текстуальные аллюзии зарубежной литературы, но звуковой образ самого слова *пилигрим*. В звуковом поле стиха множась ассонансное *и* порождает пронзительный звук, способный пронизать пространство, пробудить ритмику неспешного движения, придать глубину пронзаемому шествием пилигримов мира.

Звуковой образ слова *пилигримы* — с интенсивной фонетической амплитудой трижды повторенного в корневой морфеме гласного *и* — в сознании чуткого поэта неизбежно должен был пробудить образ «бесконечного» [Бродский, 1998, с. 21] *мира, мимо* которого шествуют (бредут) святые странники-богомольцы. Внутренний рифмический каркас стиха задается фонетическим обликом заглавного словообраза и множится в звуковых омофонах: *пилигримы // мимо // мира // Рима // ристалищ // капищ* и т. д. Анафорическое многократное *мимо*, усиливаясь в параллелизме синтаксических конструкций и отражаясь в звуковых вариантах образа *мира, Мекки* и *Рима, капищ* и *кладбищ, синего* солнца, пронизанных акустически высоким («острым») *и*, вырисовывает длинный и делящийся вектор безконечного пути, страннического движения, беспредельности троп и дорог.

Пятикратное / шестикратное (эпаналепсическое) *мимо* отчетливо прорисовывает пространственную горизонталь, которая в ходе развития смыкается в символически замкнутый круг: от зачинного «Мимо...» к завершающему поэтическое восьмистишие звуковому паронимическому «пилигримы» (*мимо* → *пилигримы*). Акцентно-звуковое подобие и параллели — [*mima // ...grimy/a // mira* и т. д.] — первоначально прочерчивают линейный мир (направление, движение), к концу «строфы» превращая его (их) в спиралевидное пространство, обладающее объемом.

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя *мимо*,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле *пилигримы*.

Нестрогие омофоны *шикарных // кладбищ, мимо // Мекки, мимо // Рима, мира-и-горя // мимо, синим // палимы*, опирающиеся на «узкое» и, дополняются и чередуются с «широкими» *а* и *о*, моделируя разнообразие мира *храмов // баров, больших // базаров, солнца* и др.

Если Л. Лосев считает, что «бар» у Бродского возникает «как символ загадочной заграничной роскоши» [Лосев, 2008, с. 61], то, на наш взгляд, интенция поэта совершенно иная. Суть в том, что Бродский создает образ пилигримов, богомольных странников, направляющихся на поклонение в святые места. Все движение пилигримов, «увечных», «горбатых», «голодных», «полуодетых» [Бродский, 1998, с. 21], метатекстуально осенено молитвой, словом Божиим, звуком голоса Господа. И это порождает в сознании Бродского глубинную ассоциацию. Как известно из свидетельств четырех евангелистов, после входа в Иерусалим Христос направился в храм и, увидев в нем торговцев, изгнал их.

Ин. 2: 13–16: «Приблизилась Пасха Иудейская, и Иисус пришёл в Иерусалим и нашёл, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из верёвок, выгнал из храма всех, и овец и волов, и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли».

Мф. 21: 12–13: «И вошёл Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, — дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников».

На наш взгляд, храмы и бары, несколько асинхронно (как подчас случается у Бродского) соположенные в строках «Пилигримов», становятся осовремененной аллюзией не на «заграничную роскошь», как полагает Л. Лосев, а на евангелический текст, выступают своеобразным синонимом-заместителем церкви и торга сегодня, в современности: храм и бар. Слова из различных временных пластов оказываются в странном соседстве, но истоком своим имеют библейские (евангелические) тексты. Аллюзия на

библейское «торжище» поддерживается, на наш взгляд, и лексемой *базары* (*большие базары*), появляющейся в следующей строке стихотворения. Образы святых пилигримов актуализируют «вольные» отсылки к Священным текстам.

«Синее солнце», которое прочитано Л. Лосевым как образ «из научной фантастики» [Лосев, 2008, с. 61], на наш взгляд, тоже оказывается искаженным. Тяжелый и длинный путь странников-пилигримов, нещадно палимых лучами южного испепеляющего солнца и измученных непереносимо удушающим зноем, не только в метафорическом, но и в (природно-) физическом плане очень точно угадан и передан Бродским: как известно, при взгляде на раскаленное жаром зенитное солнце человек видит только иссиня-черный диск светила, который и воссоздан в стихах Бродского в образе поэтически точного «*синего* солнца», отражающего беспощадность горячих солнечных лучей, испепеляющих все живое, до синевы иссушающих кожу человека.

Наконец, интертекстуальная аллюзия, намеченная Л. Лосевым, — «”пилигримы / солнцем палимы” из хрестоматийного стихотворения нелюбимого Некрасова» [Лосев, 2008, с. 61] — действительно может быть (могла бы быть) атрибутирована как некрасовская, из стихотворения «Размышления у парадного подъезда» (1858): «*И пошли они солнцем палимы...*» Однако признать это можно только на формальном уровне. В контексте стихотворения Бродского оборот «синим солнцем палимы» по законам семантико-грамматической сочетаемости раскладывается не на единицы *синим* и *солнцем палимы*, а на иные синтагмы — *синее солнце* и *палимы*, которые в поэтико-семантическом наполнении оказываются слишком далеки от текста Некрасова. Можно предположить, что поэтически настроенный слух Бродского актуализировал предикат *палимы* по причине (звуко-)фонетического ассонанса, опирающегося в глагольной словоформе на ударное *и*. Тяготы долгого (длинного) пути пилигримов эксплицированы Бродским посредством выразительного образа испепеляющего («синего») солнца, а долгота временной протяженности бесконечного пути пилигримов обозначена сменой временных природных маркеров, чередующихся «закатов» и «рассветов» (метафорически — в глазах и сердцах странников).

Пейзаж в стихотворении Бродского берет на себя не столько визуальную, сколько звуковую, музыкальную функцию. С одной стороны, вся пейзажная картина пронизана «высокой» амплитудой интенсивной фонемы *и* (*ними², им, птицы, зарницы, кричат, хрипло*), с другой — она ощутимо наполнена звуками природы: пустыни поют, птицы кричат (хрипло кричат), даже вспышки зарниц (молний), сопровождающих грозу, скрывают в себе отдаленные неслышные раскаты грома.

За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды горят над ними,
и хрипло кричат им птицы <...>

Как уже было сказано, Я. Гордин обратил внимание на важность появления в тексте «Пилигримов» образов-символов «звезда» и «птицы». Но в поэтическом мире стихотворения Бродского не менее важны и образы «пустынь» и «зарниц». Бродский чутко слышит пустыню, ощущает безбрежность ее просторов и различает певучесть ее могучих зыбучих песков. В атмосфере шествия пилигримов за образом предупреждающего пения пустыни угадываются мотивы опасности и тяжести бесконечного пути, мотивы сопровождающих странников жажды и голода, лишений и бессилия. Вспышки зарниц предупредительны — это синекдоха отдаленного (но приближающегося) грома, метонимический заместитель грозы и угрозы. Оборот *Звезды горят...* не столько передает свет звезды, сколько «от обратного» становится знаком темноты и бездонности черного ночного неба и тьмы пути.

В подобной звуковой какофонии хриплый крик ночных птиц заключает в себе пророческое провидение и предвидение:

что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным,
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но все-таки бесконечным.

Настойчивое повторение *прежним* (дважды: в первой и второй строке приведенного выше фрагмента) (+ *вечным*), контекстуальная антитеза *снежный / нежный*, ололофразеологическое *вечный / лживый* (= *вечно-лживый*), противительное *постижимый*, **но бесконечный** привносят в стихотворный текст знание о контрастах-константах мира, о диалектике противоположностей, в итоге — о пронзительности взгляда лирического (авто)героя, о философичности поэтических воззрений молодого (но зрелого) Бродского.

3. Метафизические ракурсы текстовой реальности

По воспоминаниям Я. Гордина, в период работы над «Пилигримами» «Иосиф отрицал целесообразность и справедливость мира <...> с такой

страстностью и непреклонностью, что хотелось защитить этот бедный мир» [Гордин, 2010, с. 135]. Именно образ «бедного мира» и создает Бродский в стихотворении, образ мира увечного, горбатого, голодного, полудетого. Пилигримы — субъективно-субъектная часть этого мира.

И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.

Анафорический повтор «*и, значит*» звучит философским убеждением-утверждением автора и героя, отражает уверенность в невозможности изменения вечного мира, но эксплицирует стремление и движение — к нему (от него?), к отдельному человеку (?), к самому себе (?).

Кажется, права И. Плеханова, когда утверждает, что в финале стихотворения Бродского «вся эта энергия жизни концентрируется в слове *быть*»:

И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.

Сильная позиция логически (интонационно) выделенного слова *быть* и его тавтологичность действительно знаменуют собой неизменность длящейся бесконечности и вечности мира, в беспредельно больших пространствах которого затерян маленький человек-странник, тень-пилигрим. Свяtitель Тихон Задонский (Письма Посланные, 15): «И всяк живущий на земле есть путник...»

Между тем продемонстрированное понимание стихотворения Бродского не окончательное, образом странствующих пилигримов, ищущих Свет и Истину, его внутренняя семантика не исчерпывается. Привлекает внимание тот факт, что поэт возвращается к «правке» уже принятого и признанного слушателями текста и спустя год привносит в стихотворение эпиграф из Шекспира (1959).

В переводе С. Маршака шекспировский «Сонет 27», из которого Бродским взяты эпиграфические строки, звучит так:

Трудами изнурен, хочу уснуть,
Блаженный отдых обрести в постели.
Но только лягу, вновь пускаюсь в путь —
В своих мечтах — к одной и той же цели.
Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигрима,

И, не смыкая утомленных глаз,
Я вижу тьму, что и слепому зрима.
Усердным взором сердца и ума
Во тьме тебя ищу, лишенный зренья.
И кажется великолепной тьма,
Когда в нее тыходишь светлой тенью.
Мне от любви покоя не найти.
И днем и ночью — я всегда в пути [Шекспир, 1993, с. 247].

Кажется, что смысловое наполнение двух стихотворений (претекста и посттекста) весьма близко: сонет Шекспира заключает итоговая строка, весьма близкая метафорическому содержанию «Пилигримов»: жизнь — вечное движение («И днем и ночью — я *всегда в пути*»).

Но очевидно и другое: сонет Шекспира — любовная лирика, и движение лирического героя — «Иду[...] к тебе...», «Во тьме *тебя* ищу...» — выражает чувства любви к женщине, традиционно конститутивной теме сонетного жанра. Однако элегия Бродского «Пилигримы» лишена любовных мотивов: пафос любовной лирики потеснен философскими поисками лирического героя, поиском и осмыслением пути не к тебе-возлюбленной, но пути жизненного, пути героя в вечности и бесконечности.

Возникает вопрос: зачем, с какой целью Бродский предпосылает основному (завершенному и цельному) тексту «Пилигримов» строки из любовного сонета Шекспира?

Можно предположить, что, включая эпиграф в перитекст уже контурированных «Пилигримов», Бродский делал акцент не на любовном мотиве, но на ином: «Мои *мечты и чувства* в сотый раз / *Идут дорогой* <...> *пилигрима*». Поэту важна идея страннического движения не людей, не человека (в целом не чуждая стихотворению Бродского), но идея странничества мысли и мечты, чувства и впечатления, зрения и слуха. Помещенная вне контекста любовного сонета, единичная шекспировская строка-мысль-образ утрачивает романтическую интенцию — и в результате внутренний смысл стихотворения Бродского переходит в совершенно иной регистр, погружается в иной — ирреальный — план восприятия.

Ищущий себя как личность и как поэт Бродский посредством эпиграфа переводит идею «Пилигримов» в более тонкую область: теперь героями поэта оказываются не странники-богомольцы, но пилигримы-мысли, пилигримы-чувства. Это мысли и чувства лирического героя идут

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,

мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,

— мысли, мечты и чувства шествуют по земле пилигримами.

Метрически строки Шекспира и стихотворение Бродского не коррелируют, но благодаря шекспировскому образу план восприятия — земной, реальный, «почти» исторический — при таком ракурсе переводится в *неземной, ирреальный, надисторический* и даже *надчеловеческий*. Происходит (по Бродскому) «метафорическое ускорение» [Бродский, 2005, с. 49]. Это не люди-пилигримы увечны, горбаты, голодны, полуодеты — это мысль и чувство лирического героя (= поэта) убоги, хромы, нищи и наги.

Если образ странников, глаза которых «*полны заката*» и сердца которых «*полны рассвета*», прежде прочитывался как близящаяся «закатная» старость странствующих скитальцев и «рассветная» доброта их чистых сердец, то теперь эти образы наполняются болью понимания лирическим героем самого себя, видящего вокруг закат (как вариант — закат гуманности), но все еще носящего в своем сердце «нежный» рассвет надежды и веры в человека (может быть, во Вселенную).

Трагизм осмысления мира обретает в стихотворении удвоенный (умноженный) потенциал: мысль одного (= одинокого, единственного) героя оказывается в противостоянии (оппозиции) всему окружающему его мирозданию. Лирический персонаж проникается способностью понимания глубины трагичности вселенского мира, его мысль-пилигрим не может найти опоры ни в чем в этом бесконечном пространстве и времени. Пение пустынь, вспышки зарниц, свет звезд в бездонном темном небе, крики птиц — теперь не просто знаки страшного мира, пугающего людей-странников, но приметы абсолютно холодного и равнодушного к человеку мира, хриплыми звуками и глубиной небесной черноты утверждающего вечность и неизменность («*прежность*») лживого и замершего («*снежного*») мироздания.

Именно такой мир и понимание его таковым и приводит одинокого лирического героя, его мысли-пилигримов, к осознанию трагической истины: «*значит, не будет толка / от веры в себя да в Бога*» [Бродский, 1998, с. 21]. В подобном страшном мире нет места ни человеку, ни Богу, ни вере, ни надежде. Остающиеся герою «*только иллюзия и дорога*», кажется, то же самое движение, которое было итогом пути странников-пилигримов, но в теперешнем варианте оно наполняется предельной мерой трагического одиночества: если странники-богомольцы искали святые места и стойко

бредли в надежде достичь их, то «внутренний» лирический герой — мысль-пилигрим, чувство-пилигрим, мечта-пилигрим — обречен одиноко странствовать в безнадежном пространстве и времени, в мире, созданном ледяным холодом и вечной темнотой. У пилигримов-странников была *дорога*, у лирического героя-пилигрима остается (скорее) лишь *иллюзия*.

4. Интертекстуальные пласты «Пилигримов»

Если раньше в (почти) реальном пространстве пилигримов хриплые крики птиц могли быть граем воронов, карканьем ворон, то теперь хриплые голоса птиц обретают таинственно-мистический оттенок: это уже не враны или коршуны, это вещие птицы Сирин, Алконост или Гамаюн, фантастические прорицательницы, птицы-девы, способные к членораздельной речи-пророчеству. Интертекстуальный фон неомифологической живописи В. Васнецова («Гамаюн, птица вещая», 1897) и символической поэзии А. Блока («Гамаюн, птица вещая (Картина В. Васнецова)», 1899) позволяют разглядеть в тексте Бродского тревожный образ птицы-предвестницы беды, провозвестницы неизбежно грядущего апокалипсиса.

Блок «Гамаюн, птица вещая» (опубл. 1908):

На гладях бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!.. [Блок, 1971, с. 25]

Блок переносит действие «Гамаюна...» во времена задолго до монгольского ига, далеко до Московской Руси, в его определении — во времена «предвечные». И в том же «предвечном» блоковском времени-пространстве оказываются и герои Бродского — мысли-пилигримы, обитатели вечности, бесконечности, непознанности.

Интертекстуальное поле «вещих» ассоциаций, связанных с пророчествами птиц Сирин, Алконост, Гамаюн, может стать затекстовым фо-

ном для восприятия «Пилигримов» Бродского: это и «Райские птицы» (1907) и «Гусляр» (1909) К. Бальмонта, «Песня Гамаюна» (неоконч. цикл) Н. Клюева, может быть, даже «Я смертельна для тех, кто нежен и юн...» (1910) А. Ахматовой (особенно если вспомнить об эпитете «нежный», мелькающем в тексте Бродского). В подобном контексте «хриплый голос» и образ «птицы печали» (А. Ахматова) обретают у Бродского черты мифологического существа, обитающего в мире иллюзий, тем самым выводя стихотворение на более высокий философический уровень.

Обращение к интертекстуальным пластам стихотворения Бродского важно не само по себе, не только как факт знакомства молодого (восемнадцатилетнего) поэта с классической литературой, но и как демонстрация необычайной глубины мысли, чувства поэта, ищущего академического филологического знания (в том числе в стенах ЛГУ), но в гениальности своей природно сомкнутого с поэтической мыслью мировой культуры, обладающего собственной поэтической интуицией.

В этом плане интересно указать на другие тексты о пилигримах, которые мог знать Бродский в конце 1950-х годов и которые могли стать катализаторами его интереса к образу-метафоре.

В ракурсе обобщенной метафоры «люди-пилигримы» одними из первых могут оказаться строки Ф. Сологуба «Пилигрим (“В одежде пыльной пилигрима...”» (1897).

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идёт,
Босой, больной, неутомимо,
То шаг назад, то два вперёд, —
И, чередуясь мерно, дали
Встают всё новые пред ним,
Неистошимы, как печали, —
И всё далек Ерусалим.

Томясь в таинственной печали,
Стремится вечно род людской
В недостижимые дали,
К какой-то цели роковой.
И создаёт неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И всё далек от пилигрима
Его святой Ерусалим [Сологуб, 2012, с. 334–335].

Текст Бродского не только близок сологубовской параллели «род людской // пилигрим», но и родственен представлению о «недосягаемости дали», о недостижимости «цели роковой» («...всё далек...»), о путях «томительной печали».

Текстуально и мотивно образ-концепт Бродского «пилигримы» обнаруживает переключки с «Пилигримами» (1904—1905) М. Лохвицкой:

Знойным солнцем палимы,
Вдаль идут пилигримы
Поклониться гробнице священной.
От одежд запыленных,
От очей просветленных
Веет радостью цели блаженной.

Тяжела их дорога —
И отставших так много,
Утомленных от зноя и пыли,
Что легли на дороге,
Что забыли о Боге,
О крылатых виденьях забыли.

Им в сияющей дали
Голоса отзвучали,
Отжурчали поющие реки.
Им — без времени павшим,
Им — до срока уставшим,
Не простится вовеки. Вовеки! [Лохвицкая, 1999, с. 371]

Доминантные интенции поэтической мысли Лохвицкой и Бродского очевидно различны, но визуальные ряды строк поэтессы образно и тоически переключаются со строками поэта. Ранее намеченное в образах «голодных» и «полуодетых» странников Бродского противопоставление «заката» и «рассвета», подчеркнутое в тексте небольшого стихотворения дважды, находит отклик в дихотомии «одежд запыленных» и «очей просветленных» Лохвицкой, в образе пилигримов, «утомленных от зноя и пыли», но «тяжелой дорогой» бредущих к «цели блаженной».

Особого внимания заслуживает в «Пилигримах» Лохвицкой оборот *солнцем палимы*. Вряд ли в рамках символической поэзии «русской Сафо» (В. Брюсов) оборот *солнцем палимы* может быть соотнесен с текстом Некрасова. Скорее, другое: ранее атрибутированный «от-Некрасова» оборот

солнцем палимы в контексте ранней постсимволистской поэзии Бродского должен (может) быть детерминирован «по-Лохвицкой». И даже если юный Бродский еще не знал поэзию «русской вакханки», интертекстуальная связь строк *солнцем палимы* с некрасовскими стихами (как справедливо подчеркнуто Л. Лосевым, чуждым Бродскому) ставится под сомнение.

Образ пилигримов появляется и в поэзии В. Брюсова, например, в его «романтической поэме» «Исполненное обещание» (1901, 1907), «благоговейно посвящен<ной> памяти В. А. Жуковского» [Брюсов, 1973, с. 545] и намеренно эксплуатирующей сюжетные коллизии «Лесного царя», а современниками поэта неизменно связываемой с его «литературным романом» с М. Лохвицкой. У Брюсова образ одинокого «скромного пилигрима», «в одежде инока и бос<ого>», идущего «в страну, где пострадал Христос» [Брюсов, 1973, с. 545], прочно смыкается с любовной тематикой и, вероятно, впоследствии находит отклик (продолжение и переосмысление) в уже названных «Пилигримах» Лохвицкой. Образ пилигримов у Брюсова возникает и в стихотворении «Паломникам Свободы» (1905), где к Храму Свободы «тропинкой еле зримой / К уныло сомкнутым вратам, / Сходились часто пилигримы / Возжечь усердно филям...» [Брюсов, 1981, с. 151]

Стилистически и даже лексически весьма близкими тексту Бродского оказываются «Пилигримы» О. Мандельштама:

Слишком легким плащом одетый,
Повторяю свои обеты.

Ветер треплет края одежды —
Не оставить ли нам надежды?

Плащ холодный — пускай скитальцы
Безотчетно сжимают пальцы.

Ветер веет неутомимо —
Веет вечно и веет мимо [Мандельштам, 1990, с. 264].

В тексте Мандельштама вновь (как и у Ф. Сологуба) звучит мысль «Не оставить ли нам надежды?», бросающая ответ на текст Бродского, но привлекают внимание и звуковая омофония «*неутомимо / мимо*», «*ветер / веет*», «*веет / вечно*», лексический повтор «*веет вечно / веет мимо / веет неутомимо*», и обстоятельственный эпитет, завершающий строки Мандельштама, — «*мимо*», так мастерски аллитерированный Бродским.

Образ пилигрима появляется и в стихах И. Бунина — «Пилигрим» (1908). Однако центральная мысль бунинского стихотворения: «*Хранит душа одну мечту — о плате / За труд земной...*» [Бунин, 1956, с. 27] — вряд ли могла (может) показаться близкой Бродскому.

И хотя с трудом можно признать родство поэзии С. Есенина и Бродского, но можно указать на строки из «Руси советской» (1924), где возникает образ «*пилигрима угрюмого*», вернувшегося «*Бог весть с какой далекой стороны*»: они пронизаны интонацией одиночества и отчуждения:

Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец... [Есенин, 1990, с. 268]

Не принимая «Русь советскую» (знаменитое бродское «Не принимаю!»), Бродский не мог не расслышать боль советского поэта:

Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен... [Есенин, 1990, с. 268]

Не разделяя исходную интенцию Есенина: «*Отдам всю душу октябрю и маю*», — Бродский не мог не солидаризироваться с болью поэта: «... *только лиры милой не отдам*»:

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверяла звуки
И песни нежные лишь только пела мне [Есенин, 1990, с. 269].

Образ есенинского «пилигрима-иностранца» вряд ли столь же близок Бродскому, как пилигримы (гипероним «богомольцы») Сологуба, Лохвицкой или Брюсова, Мандельштама, Гумилева или Блока, однако пронзительное одиночество персонажа не могло не найти отклика в душе современного поэта.

Число строк о пилигримах в русской поэзии можно множить — начиная с Г. Державина (XVIII в.), через В. Жуковского, Н. Гоголя и М. Лермонтова до Ф. Тютчева (XIX в.), вплоть до М. Кузьмина и Б. Пастернака (XX в.). В ряду лирических произведений, в которых нашел отражение образ пилигримов, несомненно, могут оказаться и строки зарубежной («иностранный») литературы, как уже отмечалось, вызывавшей в те годы интерес Бродского: Франсиско де Кеведо «Отшельница и пилигрим», В. Скотт «Владыка огня» (1801) и «Песнь последнего менестреля» (1805), Дж. Китс

«Изабелла, или Горшок с базиликом» (1818), Ш. Бодлер «У каждого своя химера» (1857), Э. Ростан «Принцесса греза» (1895) и мн. др.

Однако дело не в том, чтобы суммировать количественный показатель, но чтобы понять, какую функцию берет на себя интертекст у Бродского. Важно подчеркнуть, что на фоне иных «пилигримов» «Пилигримы» Бродского едва ли не единственные, в которых план физический так открыто сдвинут в сторону метафизического: пилигримами предстают не люди, но мысли, не плоть, но душа. И это обстоятельство вынуждает вновь вернуться к эпиграфу, к шекспировским строкам «Мои мечты и чувства в сотый раз / идут к тебе дорогой пилигримов...»

5. Шекспировские аллюзии в тексте Бродского

Совершенно очевидно, что имя Шекспира в русском сознании прежде всего связано с образом Гамлета, более определён­но и устойчиво, чем с лирическими мотивами и образами его любовных сонетов. Отсылка в эпиграфе «Пилигримов» к строкам Шекспира, заметим, не маркированным Бродским детализацией (например, из «Сонета №...»), невольно и несомненно, хотя и фоново, пробуждает в сознании читателя шекспировско-гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?..» И эта интертекстуальная аллюзия не произвольна, но находит отражение в тексте: проступает в финальных строках стихотворения и аккумулирует размышления лирического героя Бродского.

Если признать, что основную энергию «Пилигримов» формировал концепт «движение» — бесконечное движение-жизнь, то для тонко и точно осознающего логику стиха Бродского очевидным было бы завершение его элегии строками:

И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И, значит, остались только
иллюзия и дорога [Бродский, 1998, с. 21].

Последующие строки:

И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.
Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам [Бродский, 1998, с. 21],

— должны быть признаны им избыточными, уводящими от *движения*, «стабилизирующими» шествие странников-пилигримов.

Но повторение утвердительного «*быть*», акцентированного, дважды повторенного в последних строках стихотворения, начатого с Шекспира, посредством «*быть*» и завершается тоже Шекспиром. В ответ на его сакральный вопрос «Быть или не быть?..» Бродский отвечает: «*быть*».

Однако жизнеутверждающее «*быть*» едва ли может быть сочтено *бродским*. Специалистам известна приверженность Бродского теме смерти, то есть к «не-быть». На наш взгляд, именно поэтому вслед за «почти-риторическим» (сдвоенным) *быть* в финале стихотворения возникают опровергающие его синтаксические параллели: «*удобрить <...> солдатам*», «*одобрить <...> поэтам*». Бродского, с одной стороны, явно увлекает фонетическая (омофонная) игра «*удобрить / одобрить*», но, с другой, сущностной стороны, — вслед за могущим показаться позитивным императивом «*быть*» снова возникает привычная для Бродского раздумчивая дихотомия — войны и песни, смерти и поэзии, «*быть*» и «*не быть*». Казалось бы, утвердительный ответ на гамлетовский вопрос у Бродского вновь оказывается пронизанным вопросительной семантикой, остается открытым диалектическому противоречию и имплицитно философскую неразделимость тезиса и антитезиса.

Мысль-пилигрим (то есть лирический герой) Бродского не достигает «*святых мест*», «*цели блаженной*», она оказывается вовлеченной в бесконечный поиск-движение, сродни лермонтовскому «*духу изгнанья*», принужденному вечно блуждать над «*грешною землей*».

6. Заключение

Таким образом, подводя итоги анализа стихотворения Иосифа Бродского «Пилигримы», можно сказать, что интертекстуальное поле стихотворения Бродского позволяет существенно расширить образно-семантический план «Пилигримов» и обна(ру)жить новые составляющие мастерски развернутой поэтической метафоры, реализованной в (казалось бы «простом», как нередко утверждают) раннем стихотворном тексте. Эпиграф из Шекспира, прежде не привлекавший внимание исследователей, позволил выйти на более тонкий метафорический уровень стихотворения, переключить регистр с образов странников-пилигримов на образы мыслей-пилигримов, пилигримов-чувств и душевных сомнений. Обращение к литературным претекстам В. Брюсова, Ф. Сологуба, О. Мандельштама, М. Лохвицкой и др. дало возможность новых интерпретаций «темных мест» стихотворения Бродского («*синие солнце*», «*бары и храмы*», «цитата» из Н. Некрасова и т. п.). Ранее продемонстрированные исследователями наблюдения над текстом Бродского не аннигилированы новым подходом, но иная точка зрения позволила тоньше обнажить богатство и глубину поэтического мира (юного) Бродского.

Прав Я. Гордин, когда утверждает: в поэзии Бродского «истинный смысл лежит глубже лексического ряда» [Гордин, 2010, с. 199].

Источники

1. *Блок А.* Собрание сочинений : в 6 томах / А. Блок. — Москва : Правда, 1971. — Т. 1 : Стихотворения : 1897—1903. — 480 с.
2. *Бродский И.* Книга интервью / И. Бродский ; сост. В. Полухина. — 3-е изд., испр., доп. — Москва : Захаров, 2005. — 784 с.
3. *Бродский И.* Пилигримы / И. Бродский // Сочинения Иосифа Бродского. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — 2-е изд. — Т. 1. — 304 с. — С. 21.
4. *Брюсов В.* Собрание сочинений : в 7 томах / В. Брюсов. — Москва : Художественная литература, 1973. — Т. 1 : 1892—1909. — 670 с.
5. *Брюсов В.* Стихотворения / В. Брюсов. — Минск : Наука и техника, 1981. — 558 с.
6. *Бунин И.* Стихотворения / И. Бунин. — 2-е изд. — Ленинград : Советский писатель, 1956. — 427 с.
7. *Есенин С.* Собрание сочинений : в 2 томах / С. Есенин. — Москва : Советская Россия, 1990. — Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. — 415 с.
8. *Лохвицкая М.* Песнь любви : стихотворения, поэма / М. Лохвицкая. — Москва : Летопись, 1999. — 412 с.
9. *Мандельштам О.* Сочинения : в 2 томах / О. Мандельштам. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. 1 : Стихотворения. Переводы. — 637 с.
10. *Сологуб Ф.* Полное собрание стихотворений и поэм : в 3 томах / Ф. Сологуб. — Санкт-Петербург : Наука, 2012—2020. — Т. 2. Кн. 1 : Стихотворения и поэмы : 1893—1899. — Санкт-Петербург, 2014. — 990 с.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер. — Изд. 2-е, стер. — Москва : Прогресс, 1987. — Т. III (Муза — Сят). — 832 с.
12. *Шекспир В.* Собрание избранных произведений : в 5 томах / В. Шекспир. — Санкт-Петербург : Terra Fantastica, КЭМ, 1993. — Т. V : Сонеты. — 384 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахапкин Д. Н.* Иосиф Бродский после России : комментарии к стихам, 1972—1996 / Д. Н. Ахапкин. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2009. — 131 с.
2. *Гордин Я.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел : о судьбе Иосифа Бродского / Я. Гордин. — Москва : Время, 2010. — 256 с.
3. *Крепс М.* О поэзии Иосифа Бродского / М. Крепс. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2007. — 200 с.
4. *Куллэ В. А.* Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957—1972) : диссертация ... кандидата филологических наук / В. А. Куллэ. — Москва, 1996. — 246 с.
5. *Лосев Л.* Иосиф Бродский : опыт литературной биографии / Л. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 446 с.
6. *Плеханова И. И.* Преображение трагического : метафизическая мистерия Иосифа Бродского : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 — русская литература / И. И. Плеханова. — Иркутск, 2002. — 429 с.
7. *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников : в 2 книгах / В. Полухина. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2006. — Кн. 1 : 1987—1992. — 384 с.
8. *Ранчин А. М.* О Бродском : размышления и разборы / А. М. Ранчин. — Москва : Водолей, 2016. — 246 с.

9. Стрижевская Н. Письмена перспективы : О поэзии Иосифа Бродского / Н. Стрижевская. — Москва : ГРААЛЬ, 1997. — 375 с.

MATERIAL RESOURCES

- Blok, A. (1971). *Collected works: Vol. 1: Poems. 1897—1903*. Moscow: Pravda. 480 p. (In Russ.).
- Brodsky, I. (1998). *The works of Joseph Brodsky: Vol. 1*. St. Petersburg: Pushkinskiy fond. 304 p. (In Russ.).
- Brodsky, I. (2005). *Interview Book*. Moscow: Zaharov. 784 p. (In Russ.).
- Bryusov, V. (1973). *Collected works: in 7 vol.; Vol. 1: 1892—1909*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. 670 p. (In Russ.).
- Bryusov, V. (1981). *Poems*. Minsk: Nauka i tekhnika. 558 p. (In Russ.).
- Bunin, I. (1956). *Poems*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. 427 p. (In Russ.).
- Esenin, S. (1990). *Collected works. Vol. 1: Poems*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 415 p. (In Russ.).
- Lokhvitskaya, M. (1999). *Love Songs: Poems*. Moscow: Letopis'. 412 p. (In Russ.).
- Mandelstam, O. (1990). *Collected works. Vol. 1: Poems. Translation*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. 637 p. (In Russ.).
- Sologub, F. (2014). *Complete works and poems. 2-2: Poems. 1893—1899*. St. Petersburg: Nauka. 990 p. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1987). *Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vol. 3: (M—S)*. Moscow: Progress. 832 p. (In Russ.).
- Shekspir, V. (1993). *Collection of selected works: in 5 vol. 5: Sonnets*. St. Petersburg: Terra Fantastica, KEM. 384 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Akhapkin, D. N. (2009). *Iosif Brodsky after Russia: comments on poems, 1972—1996*. St. Petersburg: Journal Zvezda. 131 p. (In Russ.).
- Gordin, Ya. (2010). *Knight and death, or Life as a plan. About the fate of Joseph Brodsky*. Moscow: Vremya. 256 p. (In Russ.).
- Kreps, M. (2007). *On the poetry of Joseph Brodsky*. St. Petersburg: Journal Zvezda. 200 p. (In Russ.).
- Kulle, V. A. (1996). *The poetic evolution of Joseph Brodsky in Russia (1957—1972)*: PhD. Diss.. Moscow. 246 p. (In Russ.).
- Losev, L. (2008). *Joseph Brodsky. Experience of literary biography*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 446 p. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2002). *The Transfiguration of the Tragic: the metaphysical mystery of Joseph Brodsky*: Doct. Diss. Irkutsk. 429 p. (In Russ.).
- Polukhina, V. (2006). *Joseph Brodsky through the eyes of contemporaries: in 2 books. 1: 1987—1992*. St. Petersburg: Journal Zvezda. 384 p. (In Russ.).
- Ranchin, A. M. (2016). *About Brodsky: reflections and analyses*. Moscow: Aquarius. 246 p. (In Russ.).
- Strizhevskaya, N. (1997). *The writing of perspective. On the poetry of Joseph Brodsky*. Moscow: GRAAL. 375 p. (In Russ.).